

вѣческой волѣ, вызывалъ со стороны Золя, еще при началѣ его дѣятельности, самый страстный, юношескій протестъ. Онъ говорилъ: „если Тэнъ желаетъ сохранить въ поэтѣ и въ художникѣ хоть сколько-нибудь человѣчности, свободной воли (!) и личной инициативы—онъ не долженъ низводить ихъ оцѣнку до математическихъ вычисленій“. Золя также не одобрялъ и другого взгляда у Тэна; въ виду такихъ коллективныхъ работъ человѣчества, какъ египетскія пирамиды или великія народныя поэмы, Тэнъ утверждаетъ, будто выступленіе на сцену индивидуальности, личныхъ, свободныхъ и ничѣмъ не обузданныхъ порывовъ, распатало общественный механизмъ, вслѣдствіе чего и всѣ его отдѣльныя части закрипѣли.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и Золя внезапно измѣняетъ свои воззрѣнія, вполне усваиваетъ себѣ тотъ же самый взглядъ на общественный механизмъ, овладѣваетъ даже терминологіею Тэна и отдаетъ предпочтеніе самому смѣлому стилю изъ эпохи юности Тэна. „Тереза Ракэнъ“, у Золя, имѣетъ своимъ девизомъ извѣстныя слова, которыя въ свое время надѣлали столько хлопотъ Тэну: „добродѣтель и пороки — такіе же продукты, какъ сѣрная кислота и сахаръ“. Въ предисловіи къ „Ругонъ-Маккаръ“, у Золя есть мѣсто, которое, повидимому, является снимкомъ со словъ Тэна: „наслѣдственность имѣетъ свои законы, какъ и тяготѣніе“. — Можетъ ли это быть? — Да, это очень возможно, — только возможно при этомъ встрѣтить также и одно возраженіе, а именно: законы тяготѣнія намъ уже извѣстны, а законовъ наслѣдственности мы почти вовсе не знаемъ. Есть еще оборотъ рѣчи у Золя, который даже огорчилъ того, кто служилъ ему моделью. Золя говоритъ въ одномъ мѣстѣ о тѣхъ усиліяхъ, какія онъ дѣлалъ, чтобы прослѣдить нить, приводящую съ математическою точностью отъ одного человѣка къ другому. Вотъ до какой степени Золя самъ сдѣлался послѣдователемъ той теоріи, которую онъ старался ниспровергнуть.

Между всѣми произведеніями Тэна, ни одно не произвело столь глубокаго впечатлѣнія, какъ его этюдъ о Бальзакѣ; въ Бальзакѣ Золя нашелъ для себя второй великій образецъ. Этотъ этюдъ Тэна въ свое время считался однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ литературныхъ подвиговъ. Тэнъ перевернулъ тогда вверхъ дномъ всю литературную іерархію, повсемѣстно утвердившуюся въ ту эпоху, и поставилъ, при помощи рѣзкаго и натянутого сравненія, рядомъ съ Шекспиромъ романиста, значеніе котораго оставалось до того времени спорнымъ. Сверхъ того, Тэнъ обогатилъ литературу однимъ новымъ понятіемъ и ввелъ новый способъ оцѣнки литературнаго